

УДК: 316.4.05

СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: КАТЕГОРИЗАЦИЯ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Бойко Дмитрий Николаевич – аспирант социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

В статье анализируется феномен символического насилия в контексте постструктуралистской традиции. Приводится авторское определение символического насилия, которое выстраивается и в дальнейшем операционализируется в конструктивистской традиции с применением трёх измерений: навязывание значений и символов; сопротивление этому навязыванию; легитимация навязанных символов и значений. Осуществляется категоризация и операционализация символического насилия, а также таких его ключевых характеристик, как процессуальность и практическое осуществление, качественные и количественные аспекты навязывания и сопротивления, форма и содержание процесса легитимации. Осуществляется теоретический поиск осей и измерений ключевых признаков, которые в дальнейшем могут быть положены в основу эмпирического измерения символического насилия.

Ключевые слова: символическое насилие, навязывание, сопротивление, легитимация.

В статті аналізується феномен символічного насильства в контексті постструктуралістської традиції. Наводиться авторське визначення символічного насильства, яке вибудовується і в подальшому операционалізується в конструктивістській традиції з використанням трьох вимірів: нав'язування значень і символів; спротиву цьому нав'язуванню; легітимація нав'язаних вищевказаних символів і значень. Здійснюється категоризація і операционалізація символічного насильства, а також таких його ключових характеристик, як процесуальність і практичне здійснення, якісні та кількісні аспекти нав'язування і спротиву, форма і зміст процесу легітимації. Здійснюється пошук осей і вимірювань ключових ознак, які в подальшому можуть стати основою емпіричного виміру символічного насильства.

Ключові слова: символічне насильство, нав'язування, спротив, легітимація.

There is the analysis of the phenomenon of symbolic violence in context of the post-structuralist tradition in the article. The author presents his own definition of symbolic violence, which is building and operationalizing by three dimensions: imposition of the meanings and symbols; the opposition to this imposition; the legitimation of the above symbols and meanings (in the constructivist tradition). The author conducts categorization and operationalization of symbolic violence, as well as its key variables: processuality and praxeology, qualitative and quantitative characteristics of imposition and opposition, formal and substantial characteristics of the legitimation processes. In the article we can find the theoretical search of axes and measuring of key characteristics that could be basic for further empirical researching of symbolic violence.

Keywords: symbolic violence, imposition, opposition, legitimation.

Тему насилия можно смело отнести к категории «вечных» в рамках социальной науки и философии, а ее актуальность во всех возможных аспектах не вызывает сомнения и для современной Украины. Помимо классического рассмотрения таких сторон данного феномена, как физическая, биологическая и психологическая, в середине прошлого века социология занялась еще одним исследовательским вопросом – символическим аспектом насилия. Усилиями прежде всего С. Жижека, М. Фуко, П. Бурдье, Ж.-К. Пассерона, Ж. Бодрийяра, Н. Элиаса и других исследователей данная тема не только заняла прочное место в предметном поле социальных наук, но и получила серьезную теоретическую разработку. Символическое насилие больше не сводят к одной из сторон физического или психологического: его рассматривают как самостоятельный и полноценный феномен, который далеко не обязательно связан со своими «тезками» и уж тем более далеко не обязательно зависит от них. Но определенное структурное, семантическое, даже метафизическое подобие между ними подразумевается, что и даёт право социологам пользоваться этим несколько шокирующим, в чём-то эпатажным и часто запутывающим для носителей повседневного сознания тезоименитством.

Несмотря на колоссальный научно-теоретический труд, проделанный вышеназванными учеными, существует множество «белых пятен» в контексте темы символического насилия, что и является гносеологическим аспектом актуальности избранной нами темы. Среди этих «белых пятен» мы считаем необходимым особо акцентировать отсутствие систематизированной и самодостаточной синтетической теории символического насилия (применимой для изучения всех уровней социального), а также связанные с этим неразработанность единого понятийного аппарата, категориального базиса, специальной методологии для эмпирических исследований.

В данной статье мы попытаемся представить феномен символического насилия сквозь ключевые категории-переменные, задать векторы и оси их измерения в предстоящих эмпирических исследованиях.

Соответственно, *целью* данной работы является категоризация и операционализация символического насилия, что в дальнейшем поможет разработать программу и инструментарий эмпирического исследования этого феномена.

Основываясь на нашем прошлом анализе [1, 3, 4], мы можем предложить следующую дефиницию символического насилия:

Символическое насилие (далее СН) – это процесс навязывания и легитимации символов и значений, нацеленных на (вос)производство властных отношений. Соответственно, символическое насилие может быть охарактеризовано следующими переменными:

1. Процесс – Практика.

Исходя из концепции насилия С. Жижека [5, с. 3-5], мы предлагаем рассматривать феномен символического насилия на двух уровнях: на уровне процесса (объективное символическое насилие) и на уровне практик (субъективное символическое насилие) [1, с. 52-54].

Исследование процессуальных характеристик феномена символического насилия предполагает изучение взаимосвязанных и взаимообусловленных изменений социальных структур. Процессы символического насилия можно рассматривать в рамках социологии социальных изменений П. Штомпки [7, с. 25-32], а именно сквозь призму его классификации социальных процессов, которую мы графически представили в таблице 1.

Таблица 1.

Классификация социальных процессов (по П. Штомпке)

Критерии	Типы (и подтипы)		
Формы социальных процессов	Направленные		
	однонаправленные	разнонаправленные	ступенчатые
	Ненаправленные		
	неупорядоченные	циклические	спиральные
Результаты социальных процессов	Морфогенетические		
	Трансмутационные:		
	репродуктивные	трансформационные	
Осведомленность населения о социальных процессах	Явные	Скрытые	«Процессы-бумеранги»
Движущие силы социальных процессов	Эндогенные		Экзогенные
Уровни социальных процессов	Глобальный уровень		
	Уровень больших социальных групп		
	Уровень институтов и организаций		
	Уровень межличностных отношений		
Время разворачивания и протекания социальных процессов	Кратковременные	Долговременные	Постоянные процессы.

Процессы символического насилия неразрывно связаны с различного рода социальными системами (габитусом, социальными полями, институтами, организациями и пр.), они производятся ими и сами участвуют в их (вос)производстве. Потому СН на процессуальном уровне также имеет смысл рассматривать в категориях системы, то есть с помощью изучения элементов (подсистем, в т.ч. практик) и внешней среды (надсистем и смежных, соседствующих систем). Краеугольным камнем в данном контексте является вопрос соотношения изменения социальных структур (то есть тех или иных социальных процессов) с процессами символического насилия: наличие связи между процессами, ее прочность и направленность. Также важным аспектом является изучение связи между различными процессами, носящими характер символического насилия. В наших предыдущих работах (см.: [1, 4]) мы выдвигали гипотезы о кумулятивной логике процессов символического насилия: с ростом объема и интенсивности производимых процессов СН, увеличивается шанс на появление новых, и наоборот.

Ключевой категорией для изучения элементов символического насилия как системы является практика. Рассмотрения символического насилия в категориях практик подразумевает изучение его агентов (продюсеров, производителей), непосредственно (вос)производимых ими практик, а также социальных контекстных структур (социальных полей, дискурсов, фреймов). Очевидно, одним из родовых понятий символического насилия является социальное взаимодействие, но у СН есть существенное видовое отличие – неравный, принудительный, насильственный характер самого (взаимо)действия. Традиционные категории «агента» и «актора» для изучения социальных взаимодействий не дают возможности изначально отметить позицию стороны в символически-насильственном взаимодействии (без уточнений ряда «высокопоставленный», «привилегированный» или «господствующий»). В то же время субъект-объектная модель не устраивает своей однонаправленностью (что не позволит изучить изменение распределения сил по ходу процесса СН, а также исключает рассмотрение аспекта «перехода инициативы» от одного участника к другому, не меняя угол и фокус рассмотрения), из-за которой мы рискуем упустить из виду интересующий характер феномена символического насилия. Поэтому предлагаем ввести специальные категории для изучения агентных, субъектных сторон практик символического насилия – «*виолант*»¹ (субъект, производитель СН), то есть тот, кто производит символическое насилие, и «*виолат*»² (объект, реципиент СН), подпадающий под него.

Сами практики предлагается изучать с помощью концепции структуралистского конструктивизма П. Бурдьё в категориях габитуса и позиции-диспозиции (как составных его элементов) в различных социальных полях. Принудительная, неравная логика феномена символического насилия также воплощается в производимых агентами-участниками практиках, которые можно разделить на две антагонистические группы – практики навязывания и практики сопротивления.

2. **Навязывание (imposition) – Сопротивление (opposition).** *Навязывание* – это разновидность включения (инкорпорации)³ в габитус виолата символов и значений, которое производится виолантом. Навязывание реализуется комбинацией различных способов, среди которых рутинизация, включение в повседневность, натурализация, практическое освоение и др. Наиболее успешно, то есть с наименьшим сопротивлением, навязывание реализуется на ранних этапах формирования габитуса – в детстве, в период первичной социализации, а также в первое время с момента включения агента в новое для него поле.

Для изучения характера, свойств и особенностей навязывания мы предлагаем исследование его качественных и количественных характеристик, упорядоченных по трём осям: *частота*, *интенсивность* и *продолжительность*. Если частота и продолжительность навязывания уже имеют и объективные (астрономические, календарные), и субъективные (основанные на индивидуальном восприятии времени и его оценке) единицы измерения и они вполне применимы к социологическому изучению интересующего нас феномена, то для измерения интенсивности навязывания необходимо разрабатывать шкалу фактически *ab ovo*. В рамках этой важной для определения особенностей символического насилия работы можно, как мы предполагаем, предложить ряд дуально-модальных переменных, которые следует учитывать в ходе измерения: *массовость–избирательность*, *локальность–глобальность*, *специализированность–универсальность*, *целенаправленность–стихийность* и др.

¹ От лат. «violentia» - «насилие», с суффиксом «-ант», указывающим на деятеля по отношению к предмету (напр., «адресант»);

² От лат. «violentia» - «насилие», с суффиксом «-ат», говорящим об отнесении и принадлежности к предмету (напр., «адресат»);

³ Инкорпорация (в структуралистском конструктивизме) – это «воплощение социальных отношений в теле агента в виде его устойчивых диспозиций» [6].

Навязывание – это инструментальный процесс символического насилия, по сути являющийся производящей, «силовой» его составляющей. Используя естественнонаучную метафору, навязывание – это сила действия, всегда сталкивающаяся с силой противодействия, сопротивления.

Соппротивление – это ключевая характеристика интерсубъективной природы изучаемого нами процесса, агентная составляющая активности виолата. Соппротивление является габитуализированной реакцией виолата на процесс навязывания значений и символов. Это непрерывная характеристика (не дискретная), сопротивление может быть как со знаком «+» (то есть реальное противодействие процессам символического насилия), так и со знаком «-» (то есть реакция, способствующая реализации символического насилия), а также равна нулю, иначе говоря – не иметь значимых проявлений.

Изучать сопротивление символическому насилию следует на всех уровнях, где символическое насилие продуцируется, и в контексте всех его объектов, обладающих деятельностным началом, будь то индивид, группа, организация, сообщество, социальный институт и пр.

Основываясь на этом, мы предлагаем ряд *количественных характеристик сопротивления* процессу символического насилия:

А. Масштабность: микроуровень, мезоуровень, макроуровень или мегауровень реализации;

В. Расположение: точечное, локальное, глобальное;

С. Продолжительность: уступающее в продолжительности процессу СН, совпадающее по продолжительности с процессом СН, превышающее по продолжительности процесс СН;

Д. По регулярности: единичное, циклическое, перманентное.

Помимо вышеуказанных количественных характеристик сопротивления, необходим также анализ и его *качественной составляющей*, и мы предлагаем следующие разрезы:

А) По направленности: экстравертированное или интравертированное;

Б) По комплексности⁴ инструментов: вербально-дискурсивное, практическое и стратегическое;

В) По интенциональности: рефлекторное (неосознанное и стихийное), рефлексивное (осознанное, но стихийное), идейное (неосознанное, но системное) и идеологическое (осознанное и системное);

Г) По кооперации: индивидуальное, групповое-стихийное⁵, групповое-организованное (коллективное) и коллегиальное;

Д) По лояльности: лоялистско-активистское, лоялистско-пассивистское, нейтрально-эскапистское, протестно-пассивистское, протестно-активистское.

Соотношение навязывания и сопротивления – это ключевая диада в изучении процессов символического насилия, в ней кроется «насильственный» характер этого феномена. Но процессуальные и системные качества (а также видовую характеристику «символического») символическое насилие приобретает благодаря такому генерализирующему процессу, как легитимация.

3. Легитимация. В рамках нашего подхода легитимацию мы понимаем в самом широком смысле, как и социальные конструктивисты П. Бергер и Т. Лукман, а именно как способы объяснения и оправдания социальных отношений, их когнитивная и нормативная интерпретация. [2, с. 51-170]. В контексте изучения символического насилия нас интересует *не легитимность* (вос)производимых властных отношений, а *легитимация* используемых символов и значений в этом самом (вос)производстве. В рамках вышеупомянутой теории социального конструирования реальности, легитимация генерализирует объективированные и институционализированные отношения, она «создает новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже свойственны различным институциональным процессам» [2, с. 63], производит реальность «второго порядка». Соответственно, исследовательский акцент (в контексте изучения процессов СН) приходится на то, какие символы/значения и каким образом объясняют и оправдывают те или иные отношения власти. И здесь развертывается широкое предметное поле с множеством векторов для исследования.

Первый вектор, *формальный*, предлагают нам уже упомянутые конструктивисты П. Бергер и Т. Лукман, которые разделяли легитимацию на четыре уровня по системности конструируемого знания: 1. Дотеоретический; 2. Уровень «теоретических утверждений в зачаточной форме» [2, с. 64]; 3. Уровень явных теорий; 4. Уровень символических универсумов [2, с. 64-65]. Такая классификация позволяет изучать не только ширину и глубину легитимации тех или иных символов и значений, но и масштабность

⁴ В значении «комплексный» в математической теории комплексных чисел – сочетание реальных (вещественных) и мнимых показателей;

⁵ В категориях «толпы» Г. Лебона;

самого процесса символического насилия, его включенность в различные дискурсы, системность используемых стратегий легитимации.

Среди других формальных характеристик легитимации, которые важны в контексте нашего исследования, следует прежде всего выделить *трансгрессивность* (по шкале от «агрессивная» до «мягкая»), *открытость* (от явно-публичной до скрытно-манипулятивной) и *периодичность* (предшествующая СН, совпадающая с периодом СН, последующая после СН).

Но помимо формы легитимации, в рамках данной темы также очень важно рассмотреть и ее содержательную сторону. Предложим ряд *содержательных* векторов, по которым следует рассматривать способы легитимации символов и значений в ходе процесса символического насилия:

- I. Хронологическое измерение легитимации (апелляция к прошлому; апелляция к настоящему; апелляция к будущему);
- II. Топологическое измерение легитимации (по месту-здесь; по месту-«государству»; по месту-локусу; по месту-человеку и т.п.);
- III. Легитимация натурализацией (стигматизация процесса как «естественного» или «неестественного»);
- IV. По агенту легитимации («легитимация сверху» или «легитимация снизу»);
- V. Легитимация посредством тех или иных социальных институтов, полей и структур;
- VI. Догматическая легитимация (использование мифов и нарративов из других дискурсов как достаточных и необходимых аргументов).

Разумеется, представленный перечень содержательных направлений, по которым проводится легитимация символов и значений, неполный и несистематизированный, но он вполне применим в рамках стратегии социологического исследования, а поэтому по ходу получения и интерпретации эмпирических данных будет дополнен и усовершенствован.

Само понятие символического насилия, как и вводимые нами инструментальные категории (процессы СН – практики СН; виолант – виолат; навязывание – сопротивление и пр.), пока не имеют серьезного воплощения в эмпирических исследованиях, в т.ч. в современной украинской социологии. Практически все представленные в данной работе оси и измерения символического насилия требуют серьезной апробации и проверки. Потому мы планируем предварительный этап эмпирического исследования, проводимый с помощью качественных методов, для построения валидных индикаторов и шкал, которые на следующем этапе (количественном) будут использованы в унифицированном и стандартизированном инструментарии. Эмпирические исследования будут проведены в соответствии со стратегией кейс-стади, различные кейсы будут отобраны и изучены со всех выделенных сторон и на всех указанных уровнях, а количество кейсов будет определяться по мере насыщения информацией. Основная цель текущей работы – поставить как можно больше вопросов в контексте данной проблематики – была в той или иной мере выполнена, что позволит нам реализовать эмпирико-социологическое изучение феномена символического насилия дальнейших исследованиях.

Литература:

1. Boiko D. Symbolic violence as the object of sociological research: inter Bourdieu and Zizek / Dmitriy Boiko // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, 2016, №36. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2016. – С. 57-61.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
3. Бойко Д. Насилие в структуре социального: попытка теоретико-социологического осмысления / Дмитрий Бойко // Соціологія та суспільство: взаємодія в умовах кризи: Тези доповідей учасників II Конгресу Соціологічної асоціації України. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2013. – С. 264-265.
4. Бойко Д. Символическое насилие: концептуализация и операционализация понятия / Бойко Дмитрий, Цымбалюк Виталий // Соціологія у (пост)сучасності. Збірник тез доповідей XIII Всеукраїнської наукової конференції студентів та аспірантів (м. Харків, 23-24 квітня 2015 р.). – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. – С. 19-21.
5. Жижек С. О насилии. / С. Жижек; [ред. А. А. Олейников; Пер. с англ. А. Смирнова, Е. Ляминой]. – М.: Европа, 2010. – 184 с.
6. Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории / Наталья Анатольевна Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии, том 1, №2, 1998, С. 60-70. [Электронный ресурс] – 5 октября 2016 г. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/shmatko-na-gabitus-v-strukture-sociologicheskoy-teorii>.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений. / Петр Штомпка – М.: Аспект Пресс, 1996. – 278 с.